

Текст · 7 января 2026, 14:43

Дарья Серегина,

Прекрасная Персия будущего. Разговор с востоковедом о том, что происходит в охваченном протестами Иране

28 декабря 2025 года на фоне падения курса национальной валюты и роста цен в Иране впервые за три года **вспыхнули** массовые протесты. Люди на улицах быстро перешли от экономических требований к политическим: сейчас они скандируют лозунги против верховного лидера и **заявляют** о захвате нескольких городов. «Медиазона» поговорила с востоковедом Русланом Сулеймановым о том, в чем похожи и непохожи Иран и Россия, чем нынешняя волна протестов отличается от предыдущих и почему падение режима аятолл может обернуться диктатурой силовиков.

— Как работает интернет в Иране, и можем ли мы вообще сейчас получить достоверную информацию о происходящем в стране?

— В Иране есть проблемы с интернетом, и власти часто блокируют его работу. У каждого иранца, который пользуется интернетом, есть набор *VPN*-, и это для страны уже много лет целый бизнес. Без него вы не можете пользоваться *You Tube*, *WhatsApp*, *Telegram* и другими привычными сайтами и приложениями. Там есть и свои внутренние национальные мессенджеры^[1], иранцы ими тоже пользуются — но для общения, скорее, внутри страны. Они по-прежнему не слишком популярны.

Но кроме этого, есть механизм так называемого суверенного интернета. Это отключение от международной глобальной сети, когда можно пользоваться исключительно местными сайтами. Его включают все-таки не так часто: за последние годы было два случая — во время протестов в 2018 году и в ходе 12-дневной войны с Израилем в прошлом году. Я помню, как писал своим знакомым в Иране во время прошлогодней войны, и они отвечали мне только через несколько дней, когда возвращалась нормальная работа интернета. На фоне нынешних протестов, насколько я знаю, суверенный интернет не включали — видимо, чтобы не усугублять ситуацию еще больше и не раздражать население.

На мой взгляд, достоверную картину происходящего в Иране узнать вполне возможно, потому что, как и в случае с Россией, есть очень много эмигрантских медиа, которые дают альтернативную точку зрения — это и [*Iran International*](#), и [«Персидская служба Би-би-си»](#) и другие СМИ. Они, в том числе, передают информацию с полей, потому что иранцы очень активно отправляют им свои фото и видео о происходящем. Естественно, у этих СМИ есть и свои люди на местах.

У зарубежных медиа тоже есть свои представительства в Иране, хотя они и под очень серьезным контролем со стороны местных властей. Им сложно передавать полностью все, что они видят, потому что это большой риск. Было много случаев, когда иностранных журналистов задерживали и арестовывали.

— Массовые уличные протесты в Иране повторяются каждые несколько лет как минимум с 2009 года. Почему режим все эти годы остается устойчивым?

— У режима есть опора — люди, которые готовы сражаться за него даже с оружием в руках. Это и чиновники, и военные, и бюрократия, и религиозные фанатики, в конце концов — те, кто не видит альтернативы этому режиму и не хочет его падения. Там есть градации: кто-то за реформы, кто-то против, но огромное число людей за сохранение этого режима. Как мне говорил один отставной генерал Корпуса стражей исламской революции^[2], если в Иране будет хотя бы 500 тысяч сторонников этого режима, то режим выстоит. Случаев массового перехода военных и полицейских на сторону протестующих не было. Собственно, поэтому протесты в последние годы не приводили к каким-то его серьезным трансформациям, режим устойчив за счет этой опоры.

Кроме того, проблема иранских протестов — в отсутствии какого-то ярко выраженного лидера и четко сформулированной идеологии. Люди выходят за свое достоинство, материальное благополучие, за свое будущее, но у них нет какой-то объединяющей идеи, которая выступала бы альтернативой действующему режиму. Если режим падет, то что? Какой будет Иран? Монархический, демократический? Кто возглавит страну? Поскольку такого понимания нет, все сводится к тому, что люди выходят, прежде всего, требовать изменений, реформ, трансформации в рамках действующего режима. Если они требуют смерти ^[3]Хаменеи^[4], то

подразумевают, что вместо него придет кто-то другой, а вместо действующего теократического режима Исламской Республики будет какой-то новый режим. Каждый, наверное, внутри себя формулирует, видит какой-то свой другой Иран, прекрасный Иран будущего. Но массового понимания, каким он должен быть, нет.

— Влияет ли на ситуацию в Иране оппозиция в изгнании?

— За лидерами оппозиции в изгнании в Иране следят, они имеют какое-то влияние. Но иранская оппозиция, наверное, похожа на российскую тем, что очень разобщена: в ней нет какого-то единого центра, какого-то одного лидера. Помимо наследника шахской династии Пехлеви^[5], есть организация моджахединов^[6], и они между собой не в ладах, есть другие организации, другие лидеры. Это отличается от того, что было в 1978-1979 годах, когда в Иране тоже были протесты, и были очень разные варианты того, каким Иран должен быть после шаха. Там были сторонники национальной идеи, демократы, промосковские коммунисты, но лидером протеста был Хомейни^[7], который тогда находился в Париже и передавал свои послания на кассетах. Его слушали в мечети и других местах, его считали лидером. Оставалось только прилететь в Тегеран и объявить о том, что революция свершилась. Сейчас такой сценарий невозможен. Нет такого лидера иранского протеста, иранской оппозиции в изгнании, которого все однозначно признавали бы и считали будущим лидером Ирана.

Сторонники наследника шаха — это только часть людей. Нельзя сказать, что это какая-то доминирующая идея, что все протестующие желают возвращения монархии. Напротив, есть много противников этой идеи, есть те, кто считает, что не для того свергли монархию в 1979 году, чтобы сейчас ее снова вернуть. К тому же, наследник шаха очень подпортил свою репутацию в глазах иранцев тем, что открыто поддерживал бомбардировки Нетаньяху иранской территории, которые приводили к гибели гражданского населения. Поэтому ни наследник шаха, ни кто-то другой не является на данный момент общепризнанной альтернативой в глазах протестующих.

— Чем нынешний иранский протест отличается от предыдущих?

— Я думаю, главное отличие — это полное отчаяние протестующих. Если прежде была какая-то надежда на изменения и реформы, то сейчас нет вообще никаких надежд: полное отчаяние, опустошение, неверие в то, что власти вообще могут что-то предпринять и изменить ситуацию. Многие мои знакомые открыто говорят, что терять уже нечего, потому что ситуация в экономике катастрофическая. Я был в Иране два года назад, и за один доллар мне давали 600 тысяч риалов^[8], сейчас за один доллар я получил бы полтора миллиона риалов. Конечно, страдают абсолютно все: и средний бизнес, и малый бизнес, и простые граждане.

Показательно, что этот процесс начался не в университетских кампусах, как это бывало прежде, а с экономического центра и столицы всего Ирана

— с рынка, где основной удар инфляции и падение курса пришлось на валютных менял и владельцев небольших лавок. Они начали этот протест, и к ним уже стали присоединяться все остальные.

Я полагаю, что именно этот протест неотвратимо приведет к каким-то изменениям. На мой взгляд, рано говорить о том, что режим падет, но он точно будет меняться. Разговор о трансформации уже идет даже в государственной прессе — даже среди чиновников раздаются голоса о том, что нужно меняться и проводить реформы, то есть эти протесты однозначно приведут к серьезным изменениям характера действующего режима.

Роль фактора Трампа^[9] пока неясна. В прошлом году после израильских^[10] и американских^[11] атак произошло сплочение вокруг флага. На фоне внешнего вторжения иранцы стали поддерживать власть как минимум из желания отомстить за своих родственников. Тот же Нетаньяху призывал иранцев выходить на улицы и свергать режим, но при этом бомбил жилые дома и гибли люди, простые иранцы. Жертвы среди мирного населения^[12] точно не прибавили оптимизма и не заставили думать, что кто-то извне может помочь иранцам надавить на эту власть. Сейчас, конечно, есть те, кто не против помощи со стороны, но это желание не носит массовый характер.

— Как происходящее в Иране влияет на другие страны?

— Россия уже не зависит от поставок шахедов^[13] — она может создавать их сама, есть действующий

завод в Татарстане^[14]. То есть Россия в принципе все, что хотела, от Ирана уже получила, и серьезной зависимости от него у нее нет. Сам Иран тоже уже не в том положении, чтобы разбрасываться собственными вооружениями, особенно после поражения в Сирии^[15] и после 12-дневной войны в прошлом году. Режим, включая его военную машину, замыкается сам в себе, консервируется. Сотрудничество в военной сфере с Россией или кем-то еще уже не может быть таким эффективным, как еще несколько лет назад.

Конфликт Израиля и ХАМАС — это все же другой сюжет, и повлиять на него ситуация в Иране тоже не может. Даже в течение двух лет конфликта в Газе мы не наблюдали прямой зависимости между ирано-израильским конфликтом и конфликтом Израиля с ХАМАС. Иран если и поддерживал ХАМАС, то скорее морально. ХАМАС, в свою очередь, точно не собирается сейчас приходить на помощь Ирану, как и любые другие прокси, что тоже очень показательно. В ходе 12-дневной войны в прошлом году никто из них тоже не пришел на помощь Ирану, хотя еще несколько лет назад, наверное, могли.

— Что угрожает протестующим в Иране?

— Я думаю, что ключевое отличие Ирана от России в том, что там люди выходят на протесты, и очень активно. Это, в принципе, показатель разницы политической культуры — если в России, как известно, власти много лет делали все для того, чтобы люди не выходили на улицы, то в Иране напротив, всегда была очень активная мобилизация населения. Когда в Иране еще были довольно интересные выборы

с настоящей политической конкуренцией, выходили сотни тысяч либо консерваторов, либо реформистов — тех, кто выступает за реформу, за сближение с Западом. Каждый из политических лагерей собирал огромное число людей, и поэтому для иранцев в порядке вещей выходить на какие-то акции, и задержания связаны главным образом с участием в них.

В этом году власти, на мой взгляд, еще применяют не до конца тот арсенал насилия и репрессий, который у них есть, демонстрируя некую осторожность. Все ограничивается задержаниями, хотя порой и очень жесткими. Они могут длиться несколько часов или суток, а могут привести к судебному процессу — это зависит от обвинений. Просто за выход на демонстрацию человека вряд ли отправят за решетку, сажают за конкретное деяние — как правило, это нападение на полицейского или порча какого-то имущества. Сроки варьируются от нескольких месяцев до нескольких лет.

Есть опасность попасть под пулю, потому что полицейские уже начинают применять силу, стреляют по протестующим — это сейчас наибольшая угроза. Есть жертвы^[16], но это все равно несопоставимо с тем, что было в конце 2022 года.^[17] Пока не было показательных смертных приговоров — тогда очень быстро выносились такие решения, что вообще незаконно, были показательные казни, даже публичные, что большая редкость для Ирана. Тех, кто нападал на полицейских и применял насилие по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, показательно казнили.

Это была демонстрация силы, чтобы запугать протестующих.

После тех протестов власти старались не провоцировать население — даже так называемая Полиция нравов^[18] фактически исчезла с улиц.

Женщины стали снимать хиджабы, и случаи, когда какой-то полицейский мог подойти и сделать замечание, были очень редкими.

— К чему приведут протесты?

— Разговоры о том, что век 86-летнего Али Хаменеи недолог, и нужно задумываться о том, кто будет после него, ведутся не только среди протестующих, но и внутри иранской элиты. Протест, безусловно, ускоряет транзит и изменения внутри истеблишмента. Некоторые мы уже можем наблюдать — например, укрепление Корпуса стражей исламской революции. Силовой блок считается менее идеологизированным, теократические ценности для них не так важны, они прагматики — и они укрепились и в правительстве, и в парламенте.

Мы могли наблюдать, как эти ксировцы — ястребы по сути — изменили внешнеполитическую активность Ирана, сделав ее более агрессивной и наступательной, когда в 2024 году Иран атаковал Израиль и Пакистан, что раньше трудно было представить. На мой взгляд, один из наиболее вероятных сценариев — на месте верховного руководителя будет человек уже менее религиозный и тесно связанный с силовиками. Населению, скорее всего, предоставят какие-то большие свободы, касающиеся прежде всего

частной жизни, при этом, очевидно, политические свободы будут сокращаться. Ксировцы — это именно те, кто готов сражаться за эту систему, за этот режим, но при этом делать его менее идеологизированным. Пока, на мой взгляд, все идет по этому сценарию: они узурпируют власть и возьмут политические институты в свои руки.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. Например, в 2018 году иранское правительство выпустило мессенджер Soroush, который должен был заменить заблокированный тогда Telegram.
2. Элитное военно-политическое формирование, которое выполняет в Иране функции армейского спецназа, полиции и органов госбезопасности одновременно.
3. Иранский лидер Сейед Али Хосейни Хаменеи.
4. Аятолла Али Хаменеи, высший руководитель Ирана с 1989 года, на этом посту Хаменеи стал преемником лидера исламской революции аятоллы Рухоллы Хомейни.
5. Династия, которая правила с 1925 года и вплоть до Исламской революции 1979 года. Нынешний глава дома Пехлеви — сын свергнутого исламистами шаха, наследный принц Реза Пехлеви. Большую часть жизни он прожил в США.
6. Леворадикальное движение «Моджахеддин-э Халк». Во время ирано-иракской войны базировалось в Ираке и совершало оттуда вооруженные вылазки в Иран, в 1990-х организовало атаки на посольства Исламской республики.
7. Аятолла Рухолла Хомейни (1902-1989), лидер исламской революции в Иране. Вернулся в страну в 1979 году после 15-летнего изгнания.
8. Иранская валюта.
9. «Если Иран будет стрелять и убивать мирных протестующих, что является его обычной практикой, Соединенные Штаты Америки придут

им на помощь. Мы находимся в полной боевой готовности», — написал Дональд Трамп 2 января в соцсети Truth Social.

10. 12-дневная война Ирана и Израиля с 13 до 24 июня 2025 года.

11. 22 июня 2025 года США ударили по ядерным объектам Ирана.

12. По данным Human Rights Activists in Iran, в результате двенадцатидневной войны в Иране погибло 1 190 человек, 436 из которых — гражданские.

13. Дроны-камикадзе иранского производства.

14. Завод в Елабуге построили в 2023 году для массового производства российских дронов-камикадзе.

15. Падение режима Башара Асада в 2024 году заставило Иран вывести свои силы из Сирии.

16. По последним данным на момент публикации, за время уличных протестов погибли уже не меньше 36 человек.

17. 16 сентября 2022 года в Иране начались массовые протесты после новости о смерти Махсы Амини, которую за два дня до этого арестовали за неподобающее ношение хиджаба.

18. Неофициальное название Наездательного патруля Сил правопорядка — подразделений, призванных следить за соблюдением шариатских норм поведения, в частности, за одеждой.